

УДК 81-114.2

СЛОВЕСНАЯ МИМИКРИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ВЕРБАЛЬНОЙ МАГИИ

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

В функции одного из главных инструментов формирования и преобразования мира человека на протяжении всей истории неизменно фигурирует вербальная магия. Сегодня она выступает прежде всего в текстах религиозной риторики, коммерческой рекламы и политической пропаганды.

Современный российский официальный дискурс зачастую строится на использовании советских словесных символов, наполняемых, однако, качественно иным содержанием.

Цель исследования – выявление и анализ трансмутируемой советской словесной символики в российской официальной речевой коммуникации.

Методы исследования традиционные: семантико-стилистический, сравнительно-сопоставительный, контекстный, дискурсивный.

Результаты исследования. Рассмотрение представленных в статье ряда примеров словопотребления из российского официально-пропагандистского дискурса позволяет сделать вывод об активной эксплуатации советских вербальных символов. Конечно, сегодня они наполнены совершенно иной, чем прежде, семантикой. Такой способ использования слов вполне может быть квалифицирован как *с л о в е с н а я м и м и к р и я*.

Выводы. Словесная мимикрия, активно используемая в современной российской пропаганде, – манипулятивный прием, нацеленный на внедрение в сознание аудитории требуемых аксиологических ориентиров и идеологических установок, заключенных в уже известную звукобуквенную оболочку. Словесная мимикрия основывается на эклектике и многочисленных контаминациях, зачастую внутренне противоречивых.

Ключевые слова: *вербальная магия, официальный дискурс, политическая пропаганда, советская словесная символика, манипулятивные операции в речекоммуникативной сфере, словесная мимикрия.*

Понимание основополагающей роли именованного чего-, кого-либо для построения в сознании картины мира, несомненно, очень важно как свидетельство первостепенной значимости лексико-семантического уровня языка. Присвоение какому-то объекту определенного имени в прошлом давало ему статус полноценного элемента бытия, а потому было вполне сопоставимо с собственно созданием артефакта: «Называние есть творение – в высшей степени обычная мифологема у всех народов» [Дьяконов, 1990, с. 32]¹.

С этим очевидно связаны суждения лингвистов о соотношении денотата – и соответствующего ему именованного: «Напрасно стали бы мы в истории языка

¹ «То, что не названо, не существует». Набоков В.В. Приглашение на казнь // Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. М., 1990. Т. 4. С. 14.

искать того древнейшего периода, когда человек вполне сознавал свое слово: в старину он только менее отделял от него свою мысль. Потому слово <...> понималось в теснейшей связи с тем, что́ выражает» (здесь и далее разрядка наша. – А.В.) [Буслаев, 1848, с. 8]. – «Слово есть сама́ вещь, и это доказывается не столько филологической связью слов, обозначающих *слово* и *вещь*², сколько распространенным на все слова верованием, что они обозначают сущность явлений» [Потебня, 1976, с. 173]³.

Поскольку именование дает реалии бесспорное право на бытие, постольку и ее переименование могло осмысляться – согласно постулатам вербальной магии (см. [Васильев, 2013, с. 33–37; 2024, с. 30–35]) – как решительное изменение сущности предмета. Вербальная магия широко применяется и сегодня, например в религиозной риторике, коммерческой рекламе и политической пропаганде.

В современной российской речекоммуникативной практике вербальная магия используется довольно широко. Возможно, это отчасти объясняется вытеснением подлинного творчества как созидания его посильной имитацией – *креативом*. Это буквально наглядно наблюдается в переделках (*римэйках*) советских художественных фильмов. Конечно, изготовленные таким легкодоступным способом киноленты несут в себе совершенно иные идейные установки и этические ориентиры, нежели их канонические прототипы. Но, вероятно, именно такими были критерии предоставления их производителям госбюджетного финансирования.

В области ведомственного строительства наиболее эпохальной реализацией вербальной магии стало превращение *милиции* в *полицию* (подробнее см. [Васильев, 2019, с. 91–103]) – впрочем, вероятно, соответствующее новоутвержденному социально-экономическому укладу (правда, четкая и бесспорная его дефиниция сейчас не представляется возможной).

Однако наиболее активно вербально-магические операции применяются к называнию фрагментов Времени и участков Пространства. И такой подход не случаен: безошибочная ориентация человека и социума именно во временном и пространственном континууме дает возможность не только для более или менее комфортного существования и самоощущения, но и для выживания вообще.

По-видимому, в любом календаре любого государства константно присутствуют некие сакральные отрезки времени. Это – официально установленные в соответствии с определенными идеологическими ориентирами дни, предназначенные для празднования исторических событий, которые сыграли в истории

² Ср. этимологию славянского **věkъ* (русское и церковнославянское *вещь*), возводимую к индоевропейскому **uektos*/**uktos* ‘сказанное, изреченное’; таким образом, *вещь* – это ‘то, что можно назвать’ [Трубачёв, 1988, с. 9].

³ Такое понимание связи слова и вещи эксплуатировалось, в частности, и в советском офицозе сталинского периода, когда «отождествлялись знак и денотат, что усиливало требование реалистичности изображения, доводя его иногда до абсурда» [Романенко, 2003, с. 288].

данной страны наиболее выдающуюся роль. Естественно, с уничтожением советской власти и советский календарь с его набором праздничных дат был решительно трансформирован. Правда, например, 1 Мая пока сохраняется. Но не как советский (и не только!) День международной солидарности трудящихся, а как классово нейтральный Праздник Весны и Труда. Естественным образом исчезла и советская Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября). Взамен ее административно возник День согласия и примирения (и тоже 7 ноября), вероятно, как символ окончательного классового мира. Однако и он был замещен еще менее внятным широким массам Днем народного единства (4 ноября). Наряду с указанными, в качестве государственного праздника зафиксировано Рождество Христово (в конституционно светском государстве и, как заявляют высокие руководители, в многоконфессиональной стране⁴) и т.п. (подробнее см. [Васильев, 2013, с. 268–278]).

В своеобразной гармонии с трансформациями календаря выступают топонимические новации. Их вектор с самого начала реформ также был недвусмысленным: избавиться от советских именовании и заместить их по возможности якобы исторически первичными, а потому – правильными. Впрочем, даже наиболее известный пример этой деятельности оказался не вполне убедительным: северная столица, превращенная в 1991 г. из Ленинграда в Санкт-Петербург (оставшийся при этом административным центром Ленинградской области, как и Екатеринбург – Свердловской), при своем возникновении была шведской крепостью Ньюэнсканс (по-немецки Ниеншанц), что и было «историческим именем» многострадального города.

Воздавая должное активности реформаторов от топонимии, следует сказать, что в неутомимости они не только не уступают на номофильском поприще своим предшественникам-революционерам, но, возможно, даже превзошли их, в частности, затруднив согражданам ориентацию в окружающем пространстве [Васильев, 2020, 2, с. 167–181].

В большой степени подобные процессы можно наблюдать на примере именовании общественных организаций, прежде всего молодежных. Так, известно, что в Советском Союзе⁵ существовала для юношества трехступенчатая система гражданского воспитания: младшеклассники становились октябрятами (в честь Октябрьской революции), школьники чуть постарше – пионерами (то есть членами Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина), старшеклассники – комсомольцами (членами Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи). Все эти организации были массовыми и (под руководством идейно

⁴ Например, В. Путин – при передаче в войска списка иконы Спаса Нерукотворного 27.03.24. URL: [/https://tass.ru](https://tass.ru)>politika

⁵ Некоторые речедатели склонны почти постоянно именовать его *бывшим* – видимо, подчеркивая тем самым и исчезновение Страны Советов, и личную преданность новому социально-экономическому строю.

выдержанных взрослых) занимались определенной деятельностью, давая при этом юношеству плодотворные навыки бытия в составе коллектива (а не «команды», как сегодня).

В современной России появились молодежные организации, также имеющие в своей деятельности определенные цели и претендующие на добровольное в них участие, но одновременно – и на массовость. Это «Молодая гвардия Единой России», иначе – «Молодая гвардия» (с 2005 г.). Следует учитывать, что именно так – «Молодая гвардия» – именовалась советская подпольная антифашистская комсомольская организация (1942 г., г. Краснодон), члены которой были преданы оккупантами и их пособниками жестоким пыткам и мучительной смерти. В этом случае очевидно присвоение новоучрежденным образованием героического ореола юных краснодонцев.

В 2022 г. было учреждено также «Движение первых» (ср. *пионер* – ‘первый; первопроходец’), а недавно при Российском военно-историческом обществе создана «Страна Героев» – система лагерей для школьников. Ее название – очевидный фрагмент текста «Марша энтузиастов», песни из советского художественного фильма «Светлый путь» 1940 г.: «Здравствуй, с т р а н а г е р о е в, Страна мечтателей, страна ученых!»).

До известной степени выделяющимся из ряда подобных именовании можно считать «Общероссийский народный фронт» («Народный фронт»), созданный в 2011 г. Но и здесь есть прецеденты: существовали европейские а н т и - ф а ш и с т с к и е «Народные фронты» («Народный фронт – форма организации широких народных масс, объединяющихся вокруг рабочего класса для борьбы против фашизма и войны, за демократию, мир, социальный прогресс» [МАС₂, 1982, с. 389]). Ср. также позднейшее: в перестроечном СССР «Народный фронт, общественное объединение, деятельность которого направлена главным образом на борьбу за национальное возрождение» [ТССРЯ, 2001, с. 495] – собственно, главной целью этих «народных фронтов» был безусловный выход ряда республик из состава Советского Союза, что и было успешно осуществлено.

Известны и менее удачные, то есть не санкционированные официально, попытки реактуализации вербальных символов советского периода. Так, предложение депутата Госдумы С. Бабурина впредь именоваться *народными избранниками* (как в СССР) его коллеги решительно отвергли⁶. Совсем недавно депутат А. Гурулев предложил вернуть в официально-правовой оборот словосочетание *враг народа*: «Острая необходимость в советском понятии *враг народа*. Враги есть, понятия не существует»⁷. И эта инициатива также не нашла поддержки: хотя словосочетание беспрепятственно используется для перифрастического обозначения т.н. *иноагентов*⁸ – в первую очередь открытых противников СВО,

⁶ Вести недели. РТР. 27.09.04, то есть сами депутаты не считают себя *избранными народом*.

⁷ URL: absatr.media.12.07.23

⁸ Их статус в РФ определен и закреплен юридически с 2012 г.

его применение в качестве термина способно существенно снизить пропагандистскую эффективность многих публичных речевых актов. Ведь эта фраза на протяжении ряда лет выступает важнейшим компонентом манипулятивного инструментария, в функции «носителя скрытой угрозы» [Расторгуев, 2003, с. 243], ассоциативно отсылая аудиторию к «сталинским репрессиям». Отсюда – главная причина невозможности ее введения в оборот в современной ситуации (подробнее см. [Васильев, 2023а, с. 6–11]; ср. сегодняшний характер использования существительного *коллаборант* [Васильев, 2023б]).

Так как в послесоветском общественном дискурсе естественно возникла весьма ощутимая лакуна – отсутствие общепринятого вокатива, столь необходимого «социального артикля»⁹, то время от времени становятся известными попытки внедрения разных его вариантов. В их числе и доминировавший ранее. Ср.: «– Вот вы выходите и начинаете [речь]: “Уважаемые *господа!*” А дальше что?! На самом деле [возникает] недоверие, потому что одни себя “*господами*” не считают, а другие – не хотят видеть рядом с собой “*господ*”. А когда обращаются “*товарищи, друзья*” – тут все понятно, – перенастранивал тональность общей риторики в парламенте председатель Госдумы Вячеслав Володин. Советское приветствие [? – А.В.] “*товарищ*” сразу подхватили участники больших парламентских слушаний, собравшиеся для обсуждения предстоящих изменений в налоговом законодательстве»¹⁰.

Следует отметить, что для значительной части этой аудитории обращение *товарищ* было вполне привычным, хотя и основательно забытым. Ведь многие из присутствовавших совершенно добровольно ранее состояли в Коммунистической партии Советского Союза (тогда – правившей), затем, однако, превратившись в новоизобретенную «эли́ту» (см. [Калашников, 2003, с. 297; Расторгуев, 2003, с. 374; Васильев, 2013, с. 447–499]¹¹). Поскольку же официально доминирующим остается вектор антисоветизма, то и реанимация такого вокатива маловероятна (см. также [Васильев, 2013, с. 500–542]).

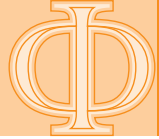
Широко тиражируемый тезис «Россия – великая держава», до некоторой степени оправдываемый размерами территории страны (приобретенной, впрочем, усилиями далеких предков), обычно аргументируется тремя, казалось бы, бесспорными фактами: победа в Великой Отечественной войне, выход в космос, наличие ядерного арсенала. Однако все эти достижения совершены именно Советским Союзом, но вовсе не РФ, не способной даже на собственное производство гвоздей – об этом и подобном с удивлением иногда узнают российские высокие руководители¹².

⁹ Пелевин В.О. Generation «П». М., 1999. С. 82.

¹⁰ URL: <https://finance.rambler.ru/economics/52807224.23.05.24>

¹¹ Также: Пелевин В.О. Чапаев и Пустота. М., 2003. С. 53–54. Можно вспомнить, что в некоторых арго присутствует семантически удачное существительное подельник [Дубягин, Бронников, 1991, с. 135; Хукка, 1992, с. 138].

¹² URL: <https://ria.ru.14.04.22>



Приблизительно таким же образом в СМИ всячески восхваляют многих спортсменов российского происхождения, выступающих за иностранные команды и под чужим флагом, упорно называя этих гастролеров *российскими* атлетами.

По-видимому, вербально-манипулятивные операции, примеры которых здесь приведены, по крайней мере, отчасти связаны с фундаментальными положениями. Ряд элементов уважаемой государственной символики современной России характеризуется несомненной контаминацией – если учитывать, что, согласно ст. 1 главы 1 Конституции РФ, она «есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Так, изображенный на гербе двуглавый орел – очевидная репликация герба Российской империи; этой же империи ранее принадлежал сегодняшний флаг¹³; музыка гимна – это музыка гимна низвергнутого СССР, правда, с наложением совсем иного текста, однако написанного тем же талантливым и высокопринципиальным автором.

Время от времени будто бы спорадически¹⁴ возникают малорезультативные дискуссии и смелые предложения об узаконении некоей *национальной идеи* [Васильев, 2013, с. 150–154]. Например, П. Толстой, депутат фракции «Единая Россия», заявил: «...Вместо того, чтобы прописывать в Конституции запрет на идеологию, нужна *надежная национальная*¹⁵ идеология, которая обеспечит процветание нашей страны в будущее»¹⁶. Ранее В. Путин говорил: «Советской власти удалось создать некую субстанцию, которая оказалась над межнациональными отношениями, но носила и идеологический характер. Даже придумали общность людей – советский народ <...>. Мы говорим про российский народ¹⁷, но это пока не то <...>. Есть только одно, что может заменить то, что было в Советском Союзе. Это *общероссийский патриотизм*»¹⁸. Вероятно, для душевного равновесия государствообразующего народа был изобретен *русский мир*. Это, наверное, самый впечатляющий пример абсолютного отрыва словесного маркера от фантомного денотата [Васильев, 2024, с. 194–196].

В 2022 г. были утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей – вероятно, как адекватный субститут табуированной идеологии. Судя по многим выступлениям в СМИ, клише *традиционные (духовно-нравственные) ценности* стало привычным элементом речей руководителей разных рангов: то ли присягой

¹³ Ср. недавний спуск на воду подводной лодки «Александр III» (2024).

¹⁴ Хотя это скорее информационные выпады для зондажа общественного мнения и его подготовки к новым реформам.

¹⁵ О сегодняшнем характере употребления слов *нация, национальный* (см. [Васильев, 2024, с. 119–147]).

¹⁶ То есть «какой будет Россия в 2050 году» [Там же]. URL: <https://www.er-duma.ru/news.24.09.19> – в чрезвычайно отдаленной перспективе.

¹⁷ См. [Васильев, Васильева, 2020].

¹⁸ URL: <http://www.vesti.ru/doc.htm?id=417067&cid=5.27.12.10>

на верность, то ли вербальным символом веры¹⁹. Проводятся многочисленные съезды, слеты, сборы, форумы, выставки, парады, смотры и т.п. действия, которые призваны верифицировать реальность мифогенов. Для этого же предназначена бодрая статистика, свидетельствующая о массовой поддержке новоиспеченных организаций.

Справедливо суждение: «Идеология <...> сказывается во всем. И ее нельзя уловить ни в чем» [Зиновьев, 1990, ч. 1, с. 226]. Сегодняшние российские вербальные имитации идеологии, включая почти ритуальные обязательные lamentации о «миллионах невинных жертв сталинских репрессий» и приснопамятных советских галошах²⁰, характеризуются явной эклектичностью.

На основании анализа представленных выше номинаций допустимо заключить, что в современном российском официальном дискурсе активно используется особый манипулятивный прием. Его можно определить как *с л о в е с н у ю м и м и к р и ю*, то есть пропагандистское приспособление вербальных символов прошлого (прежде всего – советского) с наполнением их содержанием, соответствующим неким новым целям. Это – частная разновидность вербальной магии, с помощью которой выстраиваются необходимые дискурсивные декорации.

Библиографический список

1. Буслаев Ф.И. О влиянии христианства на славянский язык. М., 1848.
2. Васильев А.Д. Вариативные выражения универсальных оппозиций: в 2 т. Красноярск, 2020.
3. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб., 2013.
4. Васильев А.Д. Кавычки при клише как знак конвенциональной оценки // Сибирский филологический форум. 2023а. № 3 (24). С. 4–14.
5. Васильев А.Д. Манипуляции словами: управление сознанием. Красноярск, 2024.
6. Васильев А.Д. О вербальной коррекции картины мира // Сибирский филологический форум. 2023б. № 1 (22). С. 4–13.
7. Васильев А.Д. Превращения слов. Современные лексико-семантические процессы. Красноярск, 2019.

¹⁹ Ср. описание общественной активности литературного персонажа: Егор Скумбриевич «умело и выгодно использовал взаимный и всесторонний обман <...>. Егор произносил правильные речи о советской общественности, о культработе, о профучебе и о кружках самодеятельности. Но за всеми этими горячими словами ничего не было» (Ильф И., Петров Е. Золотой теленок // Ильф. И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. Новосибирск, 1957. С. 501). При внешней идеологической правильности своего поведения Скумбриевич вместе с другими чиновниками «Геркулеса» активно помогал подпольному миллионеру Кореяко расхищать госбюджетные средства.

²⁰ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15266.08.05.12>



8. Васильев А.Д., Васильева С.П. *Русский – российский?* Вопрос идентификации и самоидентификации // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2020. № 1 (51). С. 152–160.
9. Дубягин Ю.П., Бронников А.Г. (общ. ред.). Толковый словарь уголовных жаргонов. М., 1991.
10. Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990.
11. Зиновьев А.А. Зияющие высоты: в 2 т. М., 1990.
12. Калашников М. Вперед, в СССР-2. М., 2003.
13. Потехня А.А. Мысль и язык // Потехня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 35–220.
14. Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М., 2003.
15. Романенко А.П. Образ риторы в советской словесной культуре. М., 2003.
16. Словарь русского языка: в 4 т. М., 1982. Т. 2 (МАС₂).
17. Толковый словарь современного русского языка. М., 2001 (ТССРЯ).
18. Трубачев О.Н. Этимология и славянская пракультура // Методология и методика историко-словарных исследований, историческое изучение славянских языков, славянской письменности и культуры: всесоюзная конференция. Л., 1988. С. 9–10.
19. Хукка В.С. Жаргон и аббревиатура татуировок преступного мира: словарь-справочник. Н. Новгород, 1992.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

VERBAL MIMICRY AS A KIND OF VERBAL MAGIC

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Verbal magic has always been one of the main tools for shaping and transforming the human world throughout history. Today it appears primarily in religious rhetoric, commercial advertising and political propaganda.

Modern Russian official discourse is often based on the use of Soviet verbal symbols, filled, however, with a qualitatively different content.

The purpose of the study is to identify and analyze transmuted Soviet verbal symbols in Russian official speech communication.

Traditional research methods: semantic-stylistic, comparative, contextual, and discursive.

Research results. Consideration of a number of examples of word usage presented in the article from the Russian official propaganda discourse helps us to conclude about an active exploitation of Soviet verbal symbols. Today they are filled with completely different semantics than before. This way of using words may well be qualified as verbal mimicry.

Conclusions. Verbal mimicry, which is actively used in modern Russian propaganda, is a manipulative technique aimed at introducing into the consciousness of the audience the required axiological guidelines and ideological attitudes enclosed in an already well-known sound-letter shell. Verbal mimicry is based on eclecticism and numerous contaminations, often internally contradictory.

Keywords: *verbal magic, official discourse, political propaganda, Soviet verbal symbolism, manipulative operations in the speech-communicative sphere, verbal mimicry.*

References

1. Buslaev F.I. On the influence of Christianity on the Slavic language. Moscow, 1848.
2. Vasilyev A.D. Variable expressions of universal oppositions. In 2 vol. Krasnoyarsk, 2020.
3. Vasilyev A.D. Word games. Manipulative operations in media texts. St. Petersburg, 2013.
4. Vasilyev A.D. Quotation marks in cliches as a sign of conventional assessment // Siberian Philological Forum. 2023. No. 3 (24). P. 4–14.
5. Vasilyev A.D. Manipulation of words: mind control. Krasnoyarsk, 2024.
6. Vasilyev A.D. On the verbal correction of the worldview // Siberian Philological Forum. 2023. No. 1 (22). P. 4–13.
7. Vasilyev A.D. Transformations of words. Modern lexical and semantic processes. Krasnoyarsk, 2019.
8. Vasilyev A.D., Vasilyeva S.P. Russian – Russian? The question of identification and self-identification // Bulletin of the KSPU named after V.P. Astafiev. 2020. No. 1 (51). P. 152–160.
9. Dubyagin Yu.P., Bronnikov A.G. (general ed.). Explanatory dictionary of criminal jargon. Moscow, 1991.



10. Dyakonov I.M. Archaic myths of the East and West. Moscow, 1990.
11. Zinoviev A.A. Gaping heights. In 2 vol. Moscow, 1990.
12. Kalashnikov M. Forward, in the USSR-2. Moscow, 2003.
13. Potebnya A.A. Thought and language // Potebnya A.A. Aesthetics and poetics. Moscow, 1976. P. 35–220.
14. Rastorguev S.P. Philosophy of information warfare. Moscow, 2003.
15. Romanenko A.P. The image of the rhetorician in Soviet verbal culture. Moscow, 2003.
16. Dictionary of the Russian language [MAS₂]. In 4 vol. 2. Moscow, 1982.
17. Explanatory dictionary of the modern Russian language. Moscow, 2001.
18. Trubachev O.N. Etymology and Slavic prakulture // All-Union Conference “Methodology and methodology of historical dictionary research, historical study of Slavic languages, Slavic writing and culture”. Leningrad, 1988. P. 9–10.
19. Hukka V.S. Jargon and abbreviation of tattoos of the criminal world. Dictionary-reference book. N. Novgorod, 1992.

About the author

Vasilyev, Alexander D. – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail: vasileva@kspu.ru